

Гу Аньнянь поначалу хотел сказать, что ему не больно, ведь после того удара он потерял сознание и попросту ничего не почувствовал. Но, обернувшись и увидев, сколько боли и участия в глазах Мо Наньяна, он изменил ответ.

— Больно? Да пустяки, я привык.

Глаза Аньняня, только что смотревшие прямо на него, потускнели, и он опустил голову, скрыв взгляд. Затем, словно придя к какому-то решению, он облизнул губы, пытаясь придать им хоть немного красок, но, кажется, безуспешно. Тем не менее, он постарался предстать перед Мо Наньяном в, как ему казалось, вполне приличном виде.

Мо Наньян смотрел на парня в больничной койке, и его собственная душевная боль едва не выплескивалась наружу. У Аньняня покраснели уголки глаз, веки подернулись влагой, а на красивом лице читалась болезненная слабость. Однако в глазах светилась нежность, подобная теплему зимнему солнцу. Кончик носа чуть порозовел, влажные, но все еще бледные губы были слегка тронуты улыбкой, будто он пытался утешить друга. Его худощавое тело, утопающее в просторной больничной пижаме, казалось таким хрупким, что его мог унести порыв ветра.

Мо Наньян почувствовал, что эта улыбка дается ему через силу.

— Перестань улыбаться... — прохрипел Мо Наньян, отчего Аньнянь замер.

Мо Наньян протянул дрожащую руку, желая коснуться этого существа, хрупкого, словно бабочка. Внезапно его длинные, изящные пальцы замерли в воздухе. Он уже было сжал губы, собираясь отдернуть руку, как вдруг ощутил тепло, исходящее от ладони Аньняня. Мо Наньян вздрогнул.

Он удивленно поднял глаза и увидел, что этот фарфоровый человечек прижался щекой к его руке. Темные, слегка отросшие пряди волос падали на глаза, но мягкая улыбка выдавала его доброту.

Мо Наньян внезапно разрыдался. Парень ростом за метр восемьдесят не плакал, когда сталкивался с несправедливостью жизни, когда его тело истязали побоями, когда с самого детства на его плечи давил груз семейных проблем, а мир вокруг был наполнен руганью — все это он выносил молча. Но стоило ему ощутить тепло другого человека, как плотина рухнула.

Этот месяц стал для него настоящим даром небес. Он никогда не думал, что кто-то, кроме мамы, может быть к нему так добр — он видел слишком много человеческой низости. Одноклассники из четвертого класса были неплохими ребятами, но школа большая, и всегда находились те, кто не желал ему добра. Впрочем, он считал, что и так все складывается неплохо. Он знал, что сам бывает излишне замкнут, не умеет общаться и подбирать слова, поэтому не винил других за то, что они его недолюбливают.

Но когда на него сыпались удары, ему тоже хотелось плакать, ему тоже было обидно. Однако он постоянно думал: может, я снова кого-то задел своими словами? Может, какие-то мои действия неприятны окружающим? Может, я им мешаю?

Он пытался сопротивляться, жаловался учителям, но те были заодно, и никто ему не верил. Он ненавидел их, но был бессилен. Даже подумывал заявить в полицию, но не хотел расстраивать маму — она и так натерпелась, так что он мог потерпеть и сам. Его комплекс неполноценности, начавшийся с того дня, когда его называли ублюдком, разрастался как сорняк, пуская глубокие корни в душе.

Мо Наньян, казалось, никогда не понимал, что злоба может быть беспричинной и нелепой. Многие люди проявляли к нему доброту, но в итоге уходили — должно быть, его холодность снова кого-то ранила. Он правда пытался измениться, но отталкивать людей стало его второй натурой — он не хотел, но и не смел иначе. Даже лучший друг когда-то предал его, а щенка, которого он держал в детстве, замучили до смерти только потому, что он принадлежал ему. Тогда он впервые узнал, что такое ненависть.

Только отгородившись от всех, можно было защитить себя и тех, кто ему дорог. Но почему-то, впервые увидев Гу Аньняня, он не смог не проникнуться к нему симпатией. Стоило тому посмотреть на него своими прекрасными глазами, как Мо Наньян терял способность сопротивляться. Даже если иногда его слова бывали резкими, Гу Аньнянь всегда окутывал его своей мягкой улыбкой.

Его характер был под стать его образу: мягкий, как нефрит, утонченный и благородный. Он был похож на розу, мимо которой тот проходил бесчисленное количество раз — чистый, нежный, но обладающий внутренней стойкостью. Словно весенний ветер, Аньнянь окутал его и тихонько спрятался в самом сердце.

Он ласково напоминал ему поесть, поддерживал, когда не ладилось с экзаменами, тайком приближался, брал за руку своими мягкими пальцами, улыбаясь, называл его учителем Мо и искренне считал его хорошим человеком. Гу Аньнянь дал ему столько признания, что он начал думать, будто он не так уж и плох.

Когда он узнал, что Гу Аньняня избили в экзаменационном зале, у него перехватило дыхание. Он чувствовал, что задыхается, сходил с ума, но разум твердил: ты ничем не сможешь, ты сейчас просто никчемный слабак. А узнав, что обидчик — тот самый человек, что когда-то издевался над ним самим, он испугался, что снова стал обузой. Все эти дни он молчал, постоянно вспоминая доброту Аньняня. И в конце концов решил, что должен его увидеть.

Когда Гу Аньнянь по-настоящему возник перед ним, сердце пронзили тысячи серебряных игл. Он понял, что на этот раз ни за что не отступит. Он жаждал этой нежности, он много раз сдавался, но теперь — никогда.

— Я... правда... так... скучал по тебе.

Его глаза, обычно холодные и равнодушные, сейчас светились уязвимостью, но он улыбался. Это была улыбка счастья, дерзкая и открытая, словно он хвастался полученной любовью. Впервые Аньнянь увидел в нем такие живые чувства, наконец-то в нем проснулась та бодрость, что подобает юноше его возраста. Слезы катились по щекам, словно жемчужины, сорвавшиеся с нити, и в спокойном озере души Аньняня пошли круги.

Он прохрипел:

— Ученик Гу, я... я могу называть тебя Аньнянь?

В глазах Мо Наньяна застыло напряжение.

Аньнянь внезапно решил поддразнить его и намеренно промолчал. Он больше не прижимался к его руке, а длинные черные пряди закрыли лицо, так что Мо Наньян не мог его разглядеть. Пока они молчали, Мо Наньян закусил губу. Его обычно отстраненный взгляд сейчас метался в панике в ожидании ответа, хотя он старался не подавать виду.

В голове билась лишь одна мысль: кажется, это было слишком внезапно, Аньнянь имеет полное право мне отказать...

Он давно привык заранее готовить причины, по которым его отвергнут, но в глубине души все еще теплилась надежда. В тишине комнаты вдруг раздался смех. Мо Наньян не успел среагировать, как почувствовал, что его руку нежно сжали. Он удивленно поднял взгляд и встретился с глазами Аньняня.

— Конечно, можно, дорогой учитель Мо.

Глаза Аньняня, подобные персиковым лепесткам, изогнулись в полумесяцы, словно были пропитаны вином. Бледные губы расплылись в улыбке. Его лицо, бледное от болезни, выглядело слишком хрупким, вызывая жалость, но в глазах, всегда согретых теплом весеннего ветра, был только Мо Наньян.

Это была сцена, которую Мо Наньян будет вспоминать с замиранием сердца еще много лет.

[Динь! Уровень симпатии Мо Наньяна +10, текущий уровень — 70!]

В голове Аньняня раздался резкий пронзительный звук.

[Когда он успел вырасти до 70?!]

Сгусток света выскочил наружу и принялся метаться перед Аньнянем, словно цирковая обезьяна.

[Это баллы, это же баллы!]

995 внезапно вытащил книгу с цензурой, но, заметив, что Аньянь застыл с выражением нежности к Мо Наньяну, понял, что что-то не так, внимательно присмотрелся и поспешно спрятал ее.

[Кхм, не то достал, не то, ты ничего не видел.]

995 выудил стопку купонов толщиной с книгу. [Здесь целых 7000 баллов! Наше Бюро быстрых перемещений довольно щедрое, хе-хе-хе.]

Увидев, как 995 ведет себя, словно обезумевший, Аньянь дернул уголком рта, что не ускользнуло от Мо Наньяна.

— Что случилось? — с беспокойством спросил Мо Наньян, возвращая Аньяня к реальности.

— Ничего, просто увидел обезьяну.

Мо Наньян удивился:

— В больнице есть обезьяны?

Аньянь ответил с таким убедительным и искренним выражением лица, что в нем невозможно было усомниться. Мо Наньян мог лишь озадаченно почесать затылок.

Услышав, как открывается дверь, они оба обернулись.

— Ой, друзья пришли навестить нашего Нянь-Няня, у Нянь-Няня теперь есть друзья.

<http://bllate.org/book/21569/2221032>